

УДК: 904.5(477.54)“6383”

В. Н. Окатенко, С. А. Скорый, Р. В. Зимовец

**КУРГАН РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В публикации представлены результаты раскопок кургана 4 Дунишовской группы Люботинского гомогильника Харьковской обл. (северскодонецкая группа памятников).

Своеобразие открытого наземного сооружения и сохранившиеся предметы позволяют трактовать исследованный комплекс в качестве святилища и ориентировочно датировать временем не позже VII в. до н. э.

Ключевые слова: курган, скифы, святилище, Северский Донец.

В сентябре 2017 г. Скифская экспедиция «Слобожанской археологической службы» Института археологии НАН Украины (г. Харьков) осуществила раскопки кургана 4 Дунишовской курганной группы¹ (не менее 13 насыпей) масштабного могильника скифской эпохи на южной окраине г. Люботин Харьковской обл. Данный пункт находится в бассейне р. Мож, центре северскодонецкой группы памятников скифского времени в Днепровском Лесостепном Левобережье (рис. 1). Курган 4 занимал крайнее, юго-восточное положение в составе курганной группы (рис. 2).

Следует отметить два обстоятельства: 1) ряд курганов, составляющих упомянутую группу, отличается значительными размерами, достигая в настоящее время высоты от 4 до 7 м; 2) ни один из курганов группы ранее не подвергался археологическому исследованию, а, следовательно, отнесение их к скифской поре было в определённой степени условным.

1. Авторы раскопок выражают сердечную благодарность местному жителю В. В. Нежиду и его семье за всестороннюю помощь экспедиции, работающей в условиях современного города.

© В. Н. ОКАТЕНКО, С. А. СКОРЫЙ, Р. В. ЗИМОВЕЦ, 2018

Курган 4 располагался в зоне индивидуальной жилищной застройки, что создавало определённые трудности при использовании землеройной техники (рис. 3; 4: 1; 16: 1). В отличие от упомянутых довольно крупных курганов группы, его насыпь (как, впрочем, и некоторых иных) была частично разрушена жителями частных земельных участков и к моменту исследования имела высоту до 0,90 м, при диаметре около 30 м.

Под чернозёмной насыпью, на уровне древнего горизонта (ДГ), были зафиксированы остатки округлой *площадки* диаметром до 11 м, выложенной, судя по тлену, древесной корой² (рис. 5) тлен от которой фиксировался и в профилях кургана (рис. 7; 8), а в двух местах — специальными *помостами* из горизонтально уложенных дубовых брёвен или плах. Наиболее хорошо сохранился помост в виде настила в восточной части подкурганного пространства, выложенного бревнами с севера на юг (рис. 4: 2; 5; 7). Он имел почти прямоугольную в плане форму, размерами 5,5 × 3,6 м, и был сооружён, как минимум, из 8 брёвен или плах, средняя ширина (или диаметр) которых составлял 30 см. Их длина — около 4 м (рис. 5). К северу от этого помоста также располагался аналогичный ряд древесины, некоторые образцы которой достигали длины 1,7 м.

Западнее хорошо сохранившейся части помоста, почти примыкая к нему, в некоем понижении, образовавшемся в процессе подрезки или нивелировки древнего чернозёма, покрытого про-

2. Тлен от коры хорошо фиксировался во всех профилях кургана, хотя расчистить его по всей площади было невозможно из-за крайне плохой сохранности.

Рис. 1. План Люботинського курганного могильника: I — Караванська група; II — Центральні групи; III — Дуншовська група (съемка ХНМЦОКН, дополненная В. Н. Окатенко)

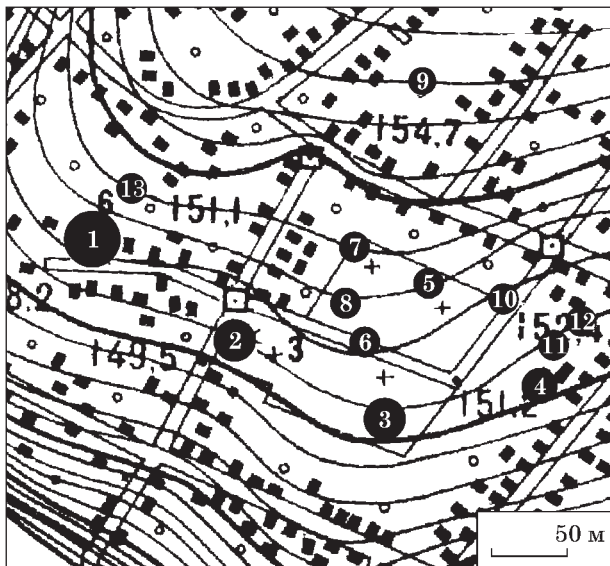

Рис. 2. План Дуншовської групи

слоем материковой глины, а сверху — корой (рис. 8), зафиксировано *основание весьма крупной наземной конструкции, квадратной формы, размерами 4,0 × 4,0 м, ориентированное по оси северо-запад — юго-восток* (рис. 9). С трёх сторон оно представляло собой довольно широкую (до 0,6 м) и глубокую (до 0,45 м) канавку П-образной

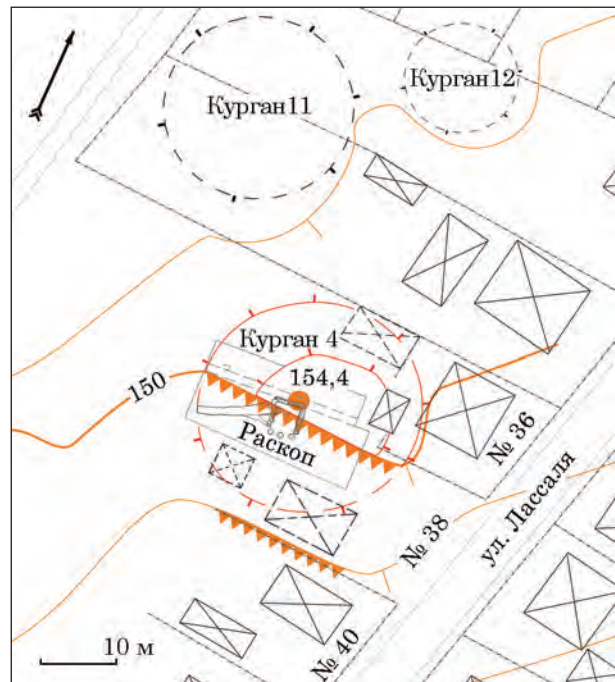

Рис. 3. Ситуативний план розташування кургану 4 Дуншовської групи в зоні городської застройки

форми, на дні якої чітко сохранились отпечатки некогда стоявших вертикальных столбов диаметром 0,15—0,55 м (до 25 шт.), создававших

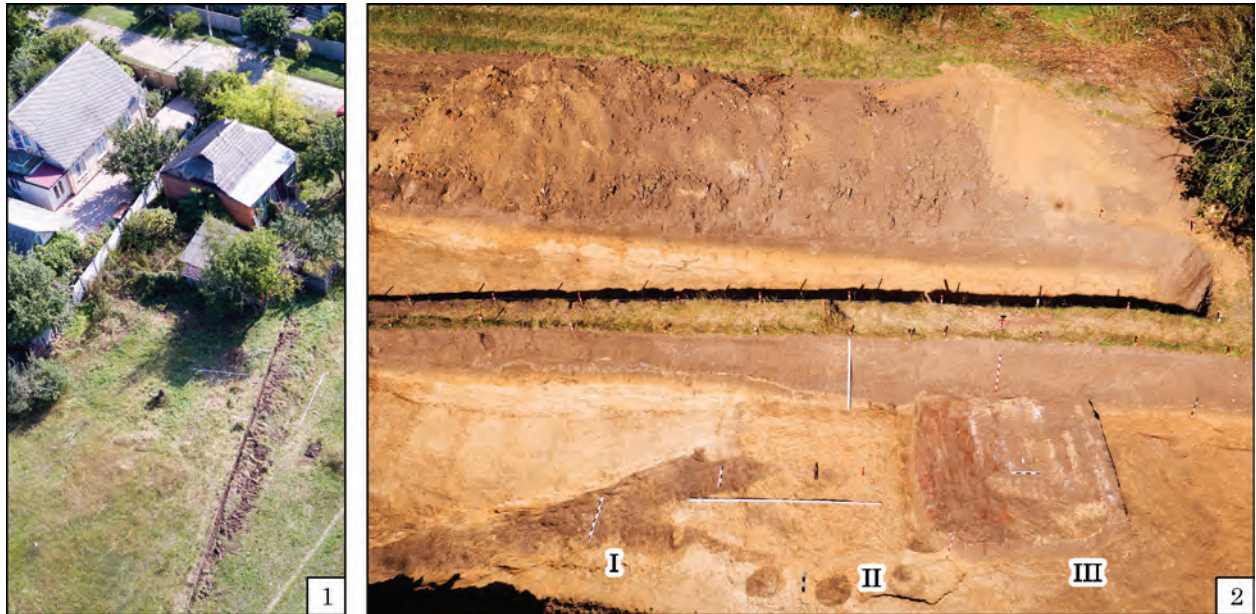

Рис. 4. Курган 4 в окружении жилых усадеб: 1 — размечена бровка; 2 — этап работы на памятнике: профиль В—В' центральной бровки; пятна грабительского хода (I), наземного квадратного сооружения (II) и деревянный помост (III). Фото с БПЛА «Inspire 1»

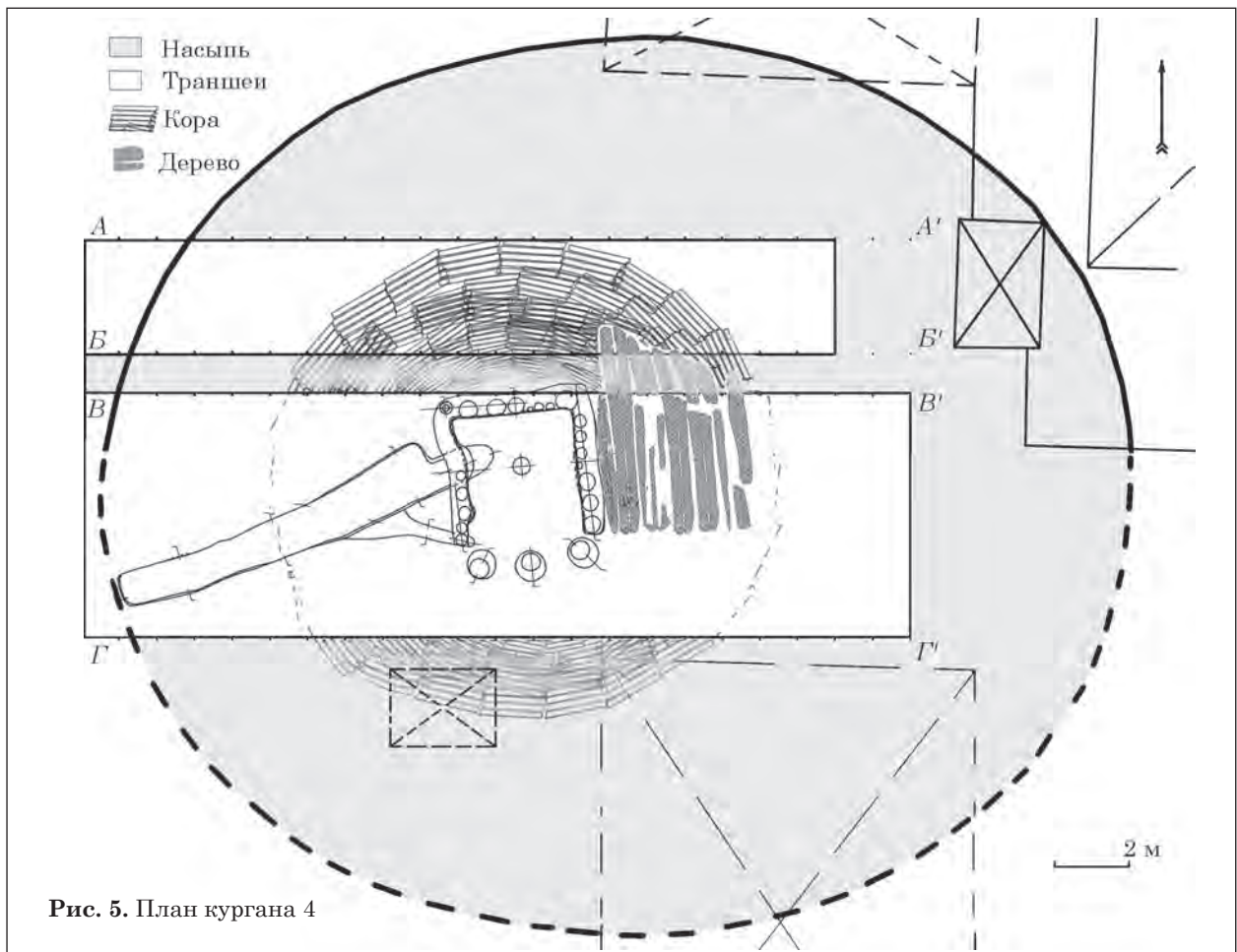

Рис. 5. План кургана 4

3 сплошные частокольные стены. Основания вертикальных столбов размещались в канавке, в то время как вдоль её внутренней стороны фиксировались следы горизонтально уложенных досок

или плах шириной около 2—3 см (рис. 9; 10; 14: 1). Очевидно, после установки брёвен в указанную канавку, она была плотно забутована землёй. Высота стен наземной конструкции не ясна.

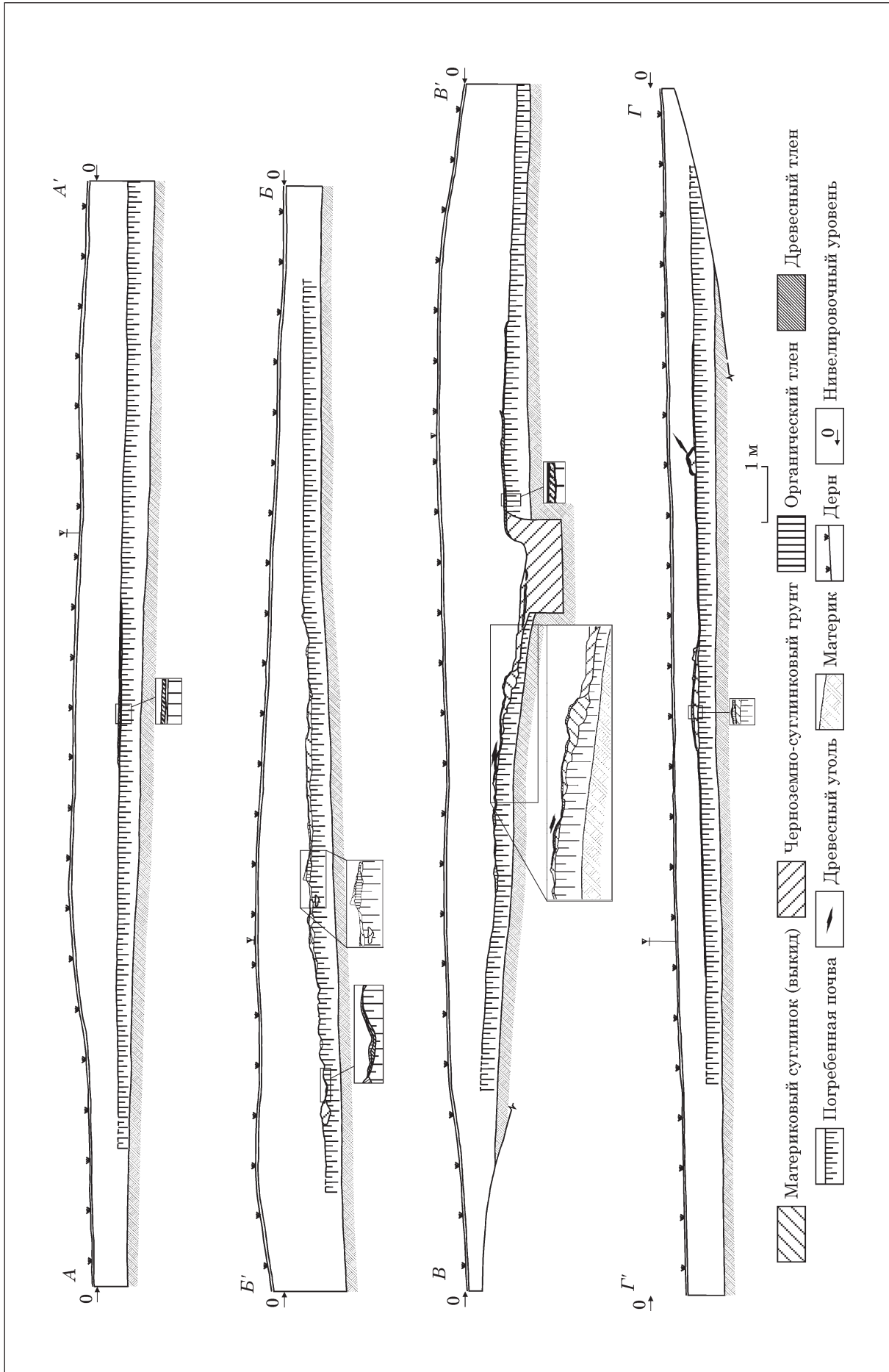

Рис. 6. Профили кургана 4

Рис. 7. Южная траншея кургана 4. На переднем плане — пятна грабительского хода (I), наземной конструкции (II) и деревянный помост (III); на заднем плане — участок профиля В—В'. В профиле бровка — тлен от коры на уровне ДГ; далее, вблизи с основанием наземной конструкции, участок срезанной древней почвы

На уровне верхнего края ям прослежен тлен дерева со следами уменьшения диаметра, что возникает у деревянных столбов в местах резкого перепада влажности. Такой перепад находится у места выхода ствола на дневную поверхность. Непосредственно в забутованных ямах — как в П-образном основании, так и в отдельно расположенных ямах с южной стороны, постройки, дерево прослеживается в виде белесой перепрелой органической массы. Это обстоятельство свидетельствует о пребывании данной постройки какое-то время вполне открытой для воздействия различных факторов природной среды¹.

В центре основания данной конструкции — яма глубиной до 0,4 м, в которой в своё время стоял центральный опорный столб (?) диаметром 0,45 м, с заострённой нижней частью (рис. 9; 10; 11: 2).

Фронтальная часть наземного сооружения с южной стороны (азимут периметра постройки

346°), судя по открытым ямам диаметром 0,75—0,85 м и глубиной до 0,6 м, была оформлена тремя столбами довольно большого диаметра (до 0,5 м), которые в некоторой степени напоминают колонны (рис. 9; 10; 11: 2). Принимая во внимание расстояние столбовых ям от краёв упомянутой П-образной канавки, можно допустить, что столбы-«колонны» были несколько вынесены за основные пределы конструкции.

Между ними располагались проходы внутрь наземного сооружения.

Наиболее сложным является вопрос о характере кровли данной постройки. Обычно центральный столб при прямоугольной планировке свидетельствует о четырехскатной крыше. Однако, учитывая, что на одной линии с центральным столбом П-образного основания находятся столб в северной стенке постройки и центральный столб — «колонна в южной части, можно предполагать, что кровля была двускатной.

Все деревянные части наземной конструкции были выполнены из дуба².

1. Данные наблюдения и соображения принадлежат сотруднику Скифской экспедиции Г. Е. Свистуну, которому авторы выражают сердечную благодарность.

2. Определение породы дерева осуществил А. И. Попов, инженер 1-й категории Ботанического сада ХНУ им. В. Н. Каразина.

Рис. 8. Профіль Б—Б' центральної бровки кургана с прослойкой материковой глины на уровне ДГ, покрытой тленом древесной коры

Курган ограблен в древности посредством горизонтального хода (длина 10,4 м, максимальная ширина 1,45 м), ведущего от западного — юго-западного края древней насыпи к наземной конструкции в центральной её части (рис. 4; 5; 7; 9). Вероятно, грабители не знали расположения и точного устройства подкурганной конструкции, поскольку попали лазом не на проходы в районе «колонн», а в частокольную стену, что, видимо, и вынудило их скорректировать направление поиска посредством разветвления грабхода.

Следует отметить, что каких-либо человеческих костей ни в районе основания наземной конструкции, ни в грабительском ходу не встречено. Конский зуб (возраст особи 5—7 лет¹) найден в грабительском ходу, в районе разветвления. Конское же копыто встречено в насыпи, в районе перекрытия.

Несколько невыразительных фрагментов бедренной (?) человеческой кости и лепных горшков — в том числе венчик с проколами (рис. 15: 1—3) — обнаружены в насыпи. Все эти находки зафиксированы за пределами назем-

ной конструкции, и связывать их непосредственно с ней достаточно проблематично.

Вместе с тем, в грабительском лазе, особенно вблизи наземного сооружения, найдены обломки лепной посуды раннескифского времени (горшка, миски, черпака) (рис. 12; 13), фрагменты светлоглиняной амфоры (рис. 14), а также минерала красного цвета — реальгара (?)². Здесь же обнаружены обломки сильно коррозированного бронзового предмета неясного назначения, в том числе тонкие пластинки (рис. 15: 6—9), бронзовая небольшая втулка со следами дерева внутри (рис. 15: 5) и железная панцирная чешуйка (рис. 15: 4).

Важными хроноиндикаторами для определения времени раскопанного кургана являются фрагментированный чернолощёный черпак, украшенный по изгибу плечика косой насечкой, и остатки светлоглиняной амфоры, в частности венчик сосуда (рис. 13; 14).

Аналогичные чернолощённые черпаки грушевидной формы, с округлой чашечкой, име-

1. Определение костей животного и человека произвел канд. биол. наук, с. н. с. Палеонтологического отдела Национального научно-природоведческого музея НАН Украины Л. В. Горобец.

2. Подобный минерал был зафиксирован нами в кургане 1 Караванской группы при доисследовании в 2016 г. Изучение минерала рентгенофлуоресцентным методом, осуществленное инженером 1-й категории кафедры материаловедения НТУ «ХПИ» С. А. Князевым, позволило определить его в качестве реальгара.

Рис. 10. Основание наземной конструкции со столбовыми ямами: 1 — вид с юга; 2 — вид с северо-запада

ющей в центре дна вмятину, довольно резким ребром в нижней части тулова, украшенным косой насечкой, высокими горлом и петельчатой ручкой, относятся к группе раннескифской столовой посуды. По мнению К. Ю. Пеляшенко, такие глубокие черпаки, названные им (с учётом морфологических особенностей сосудов) «кружовидными черпаками», в керамическом комплексе Восточноевропейской Лесостепи появляются во второй—третьей четвертях VII в. до н. э. (Пеляшенко 2014, с. 56). Подобные сосуды известны в пределах всей Днепровской Лесостепи, но наибольшее распространение получили на Левобережье Днепра, в древностях бассейна р. Ворскла, куда, по-видимому, были

принесены, наряду с иными керамическими формами, с Правобережья Днепра. Например, аналогичные фрагментированные черпаки были открыты в архаических слоях зольников на Бельском городище: № 3 на Западном укреплении (Шрамко 1996, с. 36, табл. VI: 1), № 1 в уроч. Царина Могила (Гавриш 2015, с. 42, рис. 2: 6), курганах 8, 22 в могильнике в уроч. Скоробор. Упомянутые курганы, в вещевом комплексе которых присутствовали указанные черпаки, Б. А. Шрамко датировал VII в. до н. э. или его второй половиной (Шрамко 1994, с. 106, рис. 4: 4, с. 109, 119, 124, рис. 1: 4).

Примечательно, что близкие по форме, но более приземистые черпаки, также украшен-

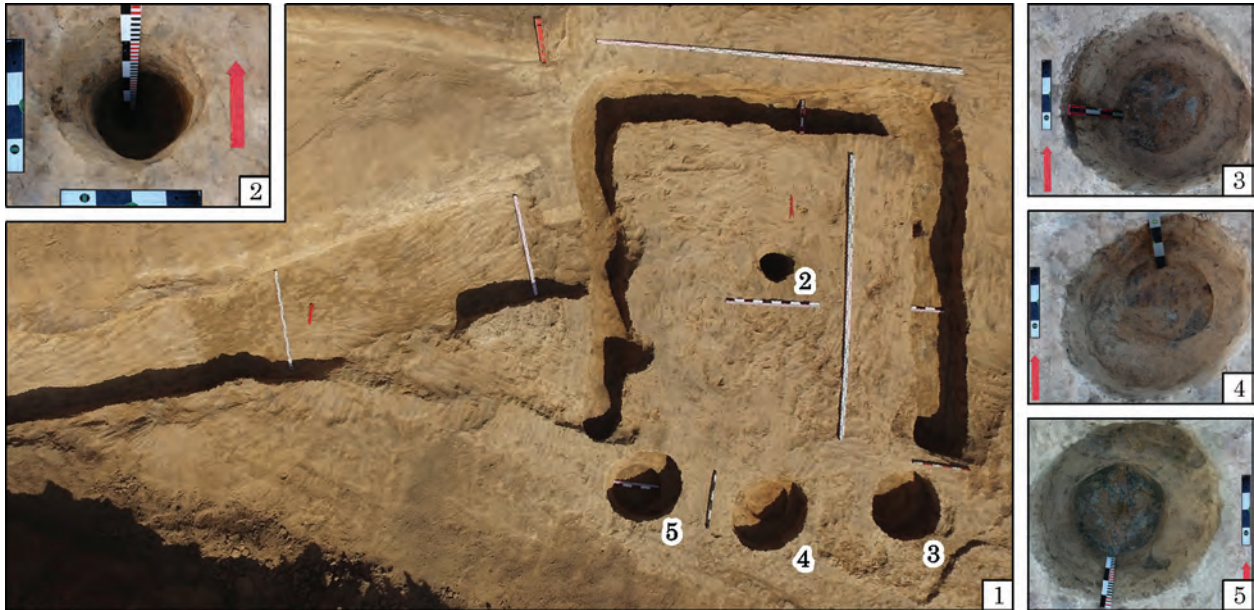

Рис. 11. Основание наземной конструкции (1) и ямы от центрального (2) и фронтальных и столбов (3—5). Фото с БПЛА «Inspire 1»

ные по ребру косой насечкой, но не имеющие характерной вмятины на донце, свойственной для архаических сосудов (черпаки, кубки), известны в Лесостепи Среднего Поднепровья, например, в кургане Червона Могила в бассейне р. Тясмин (Днепровское Правобережье) (Ковпаненко 1984, с. 111, рис. 2: 12). Достаточно определённы они относятся к рубежу VII—VI вв. до н. э. Однако упомянутые более высокие черпаки типа, найденного в кургане 4 Дуншовской группы и приземистые сосуды типа, найденного в Червоний Могила не встречены пока где-либо в одном закрытом комплексе. Похоже, что первые из них — более ранние по времени. Стоит заметить, что орнамент в виде косой насечки известен, к примеру, и на довольно ранних лощёных кубках типа обнаруженного на Мотронинском городище, в бассейне Тясмина (Бессонова, Скорый 2001, рис. 45: 9).

Таким образом, данный хроноиндикатор, будто бы, свидетельствует в пользу датирования наземной подкурганной конструкции в рамках VII в. до н. э.

Не противоречат этой дате и иные лепные сосуды — горшок с грубой поверхностью, обычной тюльпановидной формы (рис. 12: 1) и чернолощённая миска конической формы на хорошо выделенном поддоне, с плавно загнутым, горизонтально обрезанным краем (рис. 12: 2).

Амфора отличается глиной желтовато-коричневого цвета, с примесями слюды и песка. Учитывая морфологический признак сосуда — широкий и тонкий воротничковый венчик, под которым имеется уступ (валик, ступенька) (рис. 14) — правомерно отнести наш экземпляр к милетской керамической таре — амфорам «пифоидного типа», на низком поддоне, с воронкообразно расширяющимся горлом, с ус-

тупами (-ом) на нём, и петлевидными ручками, поставленными к горлу под наклоном.

В. В. Рубан, рассматривая эволюцию профилирующих элементов милетских амфор, относит сосуды с широкими и тонкими венчиками, под которыми имеется от одного до трёх уступов, а переход от горла к плечам подчеркнут рельефным выступом, к I типу (вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.). Отметим, что в рамках выделяемого типа автор прослеживает несколько вариантов амфор. Самый древний из них представлен горлом с тремя уступами под венчиком (650—600 гг. до н. э.), а в процессе развития форма горла упрощалась, при этом сосуда с венчиками, имеющими один уступ, по мнению автора, свойственны первой половине VI в. до н. э. (Рубан 1991, с. 190—191, рис. 8).

Подобные амфоры (отличаются количеством уступов под венчиком) известны и в других скифских погребальных комплексах. Так, прямая аналогия (горло с одним уступом) происходит из кургана 2 Караванской группы (с переднеазиатскими трофеями) этого же Люботинского могильника (Окатынко 2014, с. 257). Весьма сходные амфоры найдены в кургане 15 Верхнегиевской группы, расположенной также в округе г. Люботина¹ (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, с. 167, рис. 13), гробнице 2 Репяховатой Могила (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 39—54, рис. 27: 1; 28),

1. По имеющимся непроверенным сведениям, она происходит из кургана 1 Караванской группы Люботинского могильника. Не противоречит этому и тот факт, что остальной обнаруженный уже непосредственно в погребальных комплексах Верхнегиевской курганной группы инвентарь датируется в пределах V—IV вв. до н. э., т. е. относится к более позднему времени.

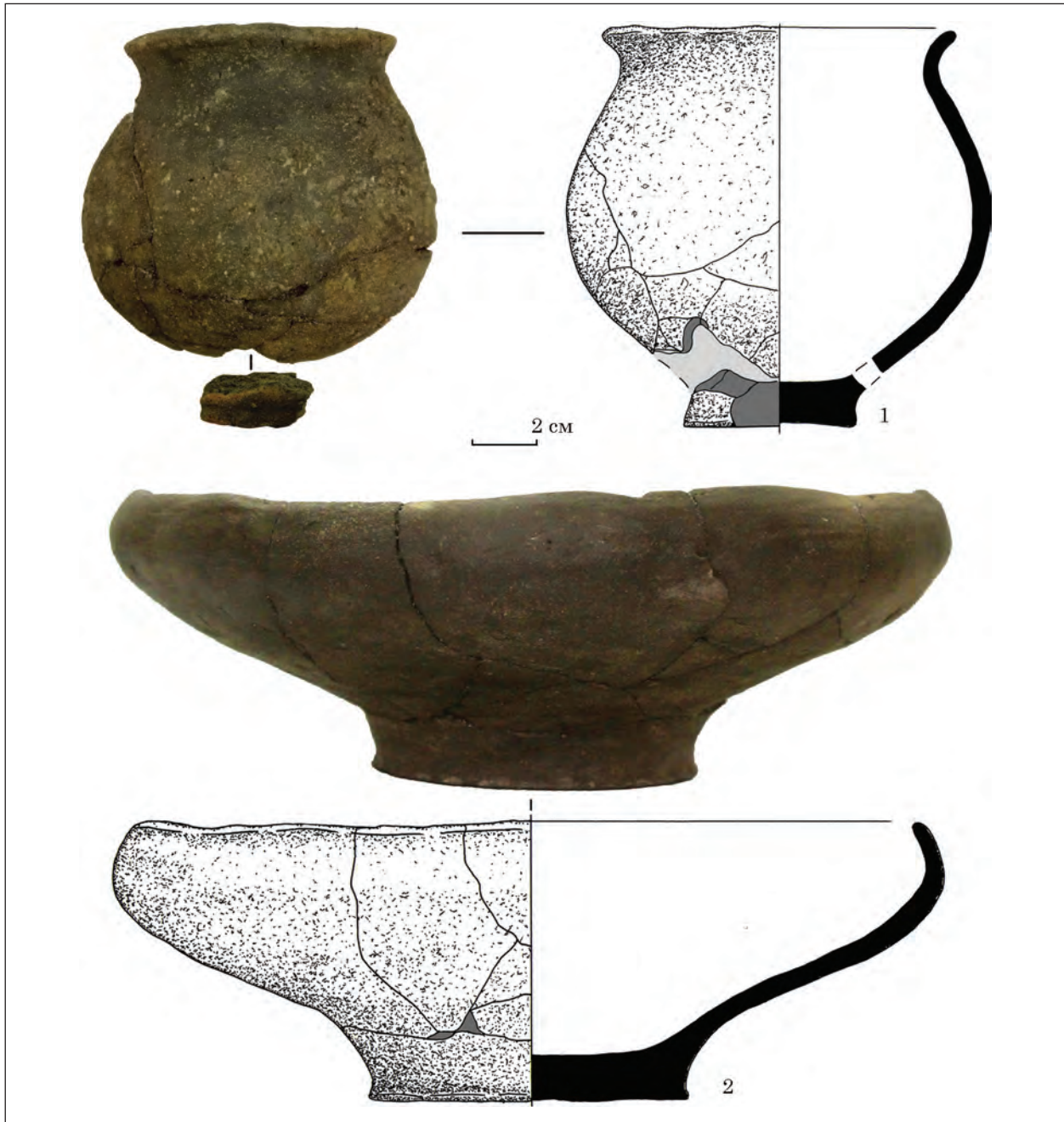

Рис. 12. Лепные горшок (1) и миска (2)

впускном погребении 8 кургана 7 у с. Новоалександровка в Нижнем Подонье (Кореняко, Лукьяшко 1982, с. 157, рис. 8). Известны они также и на поселениях Украинской Лесостепи: в зольниках 5 и 28 Западного укрепления Бельского городища в Поворсклье (Задніков 2006, с. 107, рис. 2: 4). Такие амфоры открыты и на античных памятниках Северного Причерноморья: в Ягорлыке, на Березани (Рубан 1991, с. 182—195) и Таганрогском поселении (Копылов 2002, с. 26—27, рис. 2: 14—17; Копылов, 2011, с. 223—239, рис. 6).

Милетские светлоглинянные амфоры относятся к типу сосудов, датировка которых достаточно проблематична и занимает неоднознач-

ное место в рамках развернувшейся дискуссии о хронологии раннескифской культуры (РСК). Историография данной дискуссии уже не раз рассматривалась исследователями. Мы лишь упомянем по данному вопросу несколько недавно изданных работ.

Так, М. Н. Дараган, детально рассмотрев вопрос о датировке милетских амфор, как в отечественной, так и зарубежной литературе, и приведя всевозможные аналогии, датирует подобную амфору и весь комплекс гробницы 2 Репяховатой Могилы не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э.: «...в рамках VI в. до н. э. места для него нет» (Дараган 2010, с. 175—197, рис. 2—3; 2016, с. 71).

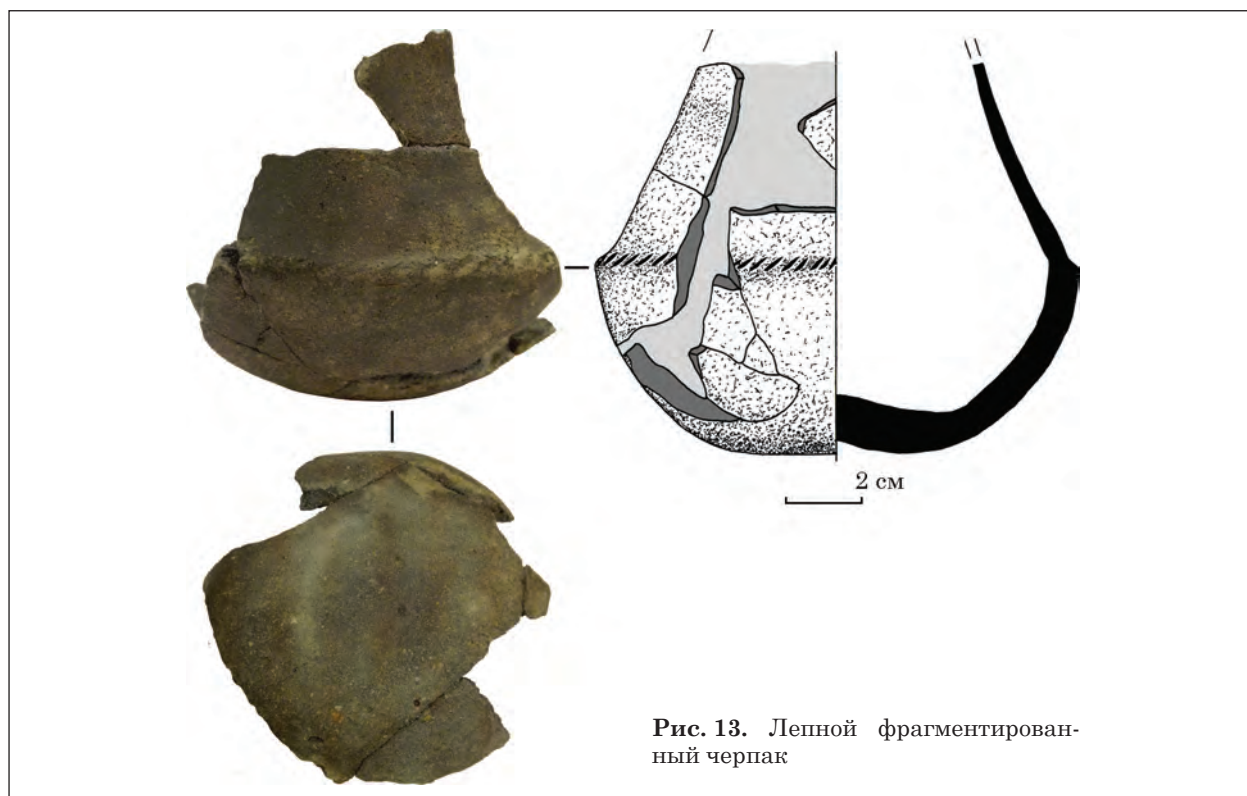

Рис. 13. Лепной фрагментированный черпак

Д. С. Гречко изложил свое видение вопроса и аргументацию относительно датировки данного комплекса. Автор не соглашается с М. Н. Дараган, полагая, что гробницу 2 Репяховатой Могилы следует относить к первым двум десятилетиям VI в. до н. э. (Гречко 2012, с. 77—79, рис. 2).

Пожалуй, стоит упомянуть и мнение румынского исследователя Ю. Бырзеску, который определенно относит милетскую амфору из Репяховатой Могилы и подобные ей сосуды (тип 1, по его классификации), с несколькими уступами под венчиком, к последней четверти VII в. до н. э. (Bîrzescu 2012, p. 328, cat. 1177). Что же касается сосудов типа, найденного нами в кургане 4 Дуншовской группы Люботинского могильника (и добавим — в кургане 2 Караванской группы названного могильника), то, по мнению Ю. Бырзеску, они (тип 4, по его классификации) относятся к первой четверти VI в. до н. э. (Bîrzescu 2012, p. 329, cat. 1194). Здесь налицо следование хронологии ранних милетских амфор, предложенной В.В. Рубаном, с неким сужением временных позиций.

Можно было бы принять подобную датировку для фрагментированной милетской амфоры из кургана 4 Дуншовской группы, однако есть некоторые «но».

Во-первых, смущает всё же архаический облик лепной посуды, особенно черпака, происходящего из вещевого комплекса.

Во-вторых, в Верхнегиевской курганной группе (а, вероятнее всего — в кургане 1 Караванской группы) — как уже отмечалось

ранее — была обнаружена целая милетская амфора, имеющая под венчиком, в отличие от упомянутых двух сосудов (курган 2 у с. Караван, курган 4 Дуншовской группы), несколько уступов. По этому признаку данный сосуд вполне близок амфорам из Репяховатой Могилы и погребения у с. Новоалександровка в Нижнем Подонье. Между тем, все погребения с ранними милетскими амфорами, найденные в Люботинском могильнике, на наш взгляд, составляют один, довольно узкий хронологический горизонт.

Иными словами, мы не исключаем, что и при учёте фрагментов милетской амфоры, дату кургана 4 следует ограничить, скорее всего, концом VII в. до н. э.

Оценивая обнаруженное в кургане наземное сооружение, сразу следует отметить следующее. Такие подкурганные памятники в бассейне Северского Донца достоверно пока не фиксировались (рис. 16). С точки зрения конструктивных особенностей оно вполне напоминает выделенные для Днепроовского Лесостепного Правобережья деревянные склепы со впущенным в грунт основанием (Ильинская 1975, с. 79). В указанном регионе встречен целый ряд подобных сооружений, в которых прослеживаются те же элементы, что и в люботинской конструкции, прежде всего, канавка, в которой закреплялись частокольные стены. Они известны в пределах всего Днепроовского Лесостепного Правобережья, но особенно хорошо представлены в кругу погребальных памятников раннескифской эпохи бассейна р. Тясмин. На-

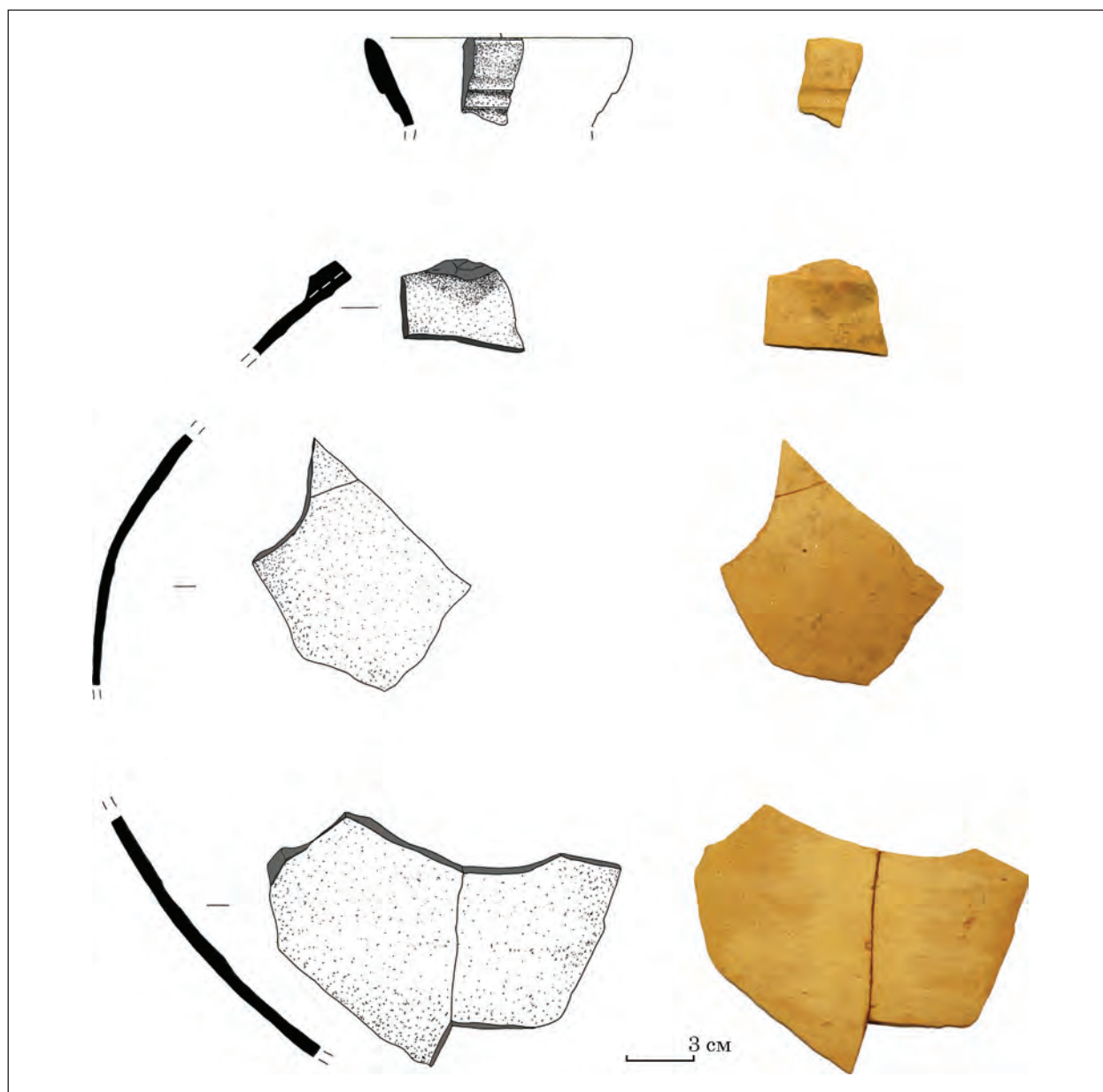

Рис. 14. Фрагменти милетської світлоглиняної амфори

приклад, кургани 395 у с. Грушевка (Бобринської 1902, с. 49; Ильинская 1975, с. 13, 83), 346 у с. Теклино (Бобринської 1901, с. 41; Ильинская 1975, с. 63), 11—12 у с. Оситняжка (Хвойка 1904, с. 10, № 1—2; Ильинская 1975, с. 36, 83). Весьма близько люботинської конструкції і обширний склеп в известном кургане 524 у с. Жаботин (Бобринської 1916, с. 1; Ильинская 1975, с. 20, 53). Большая часть этих склепов относится к VII — началу или первой половине VI вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 155—156), а погребения в «частокольных» склепах из курганов 524 у с. Жаботин, 346 у с. Теклино, похоже, принадлежат ещё более раннему времени — началу или первой четверти VII вв. до н. э. (Скорый 2003, с. 38—39). К сожалению, точных сведений об устройстве свода у этих склепов нет. С точки зрения хроно-

логии все они вполне соотносятся с наземным сооружением из Люботина.

Однако есть существенная конструктивная деталь, отличающая упомянутые погребальные конструкции от люботинского наземного сооружения: их площадь по периметру замкнута частокольными стенами, в то время как в кургане 4 Дуншовской группы фронтальная часть, по сути, открыта и имеет проходы, к тому же была обустроена столбами достаточно большого диаметра, своеобразными колоннами.

Полное отсутствие человеческих костей в пределах наземного сооружения и в грабительском ходу, его выразительные конструктивные особенности (о чём речь шла уже выше), а также организация подкурганной поверхности позволяют видеть в кургане не только место предполагаемого захоронения, но и допускать версию

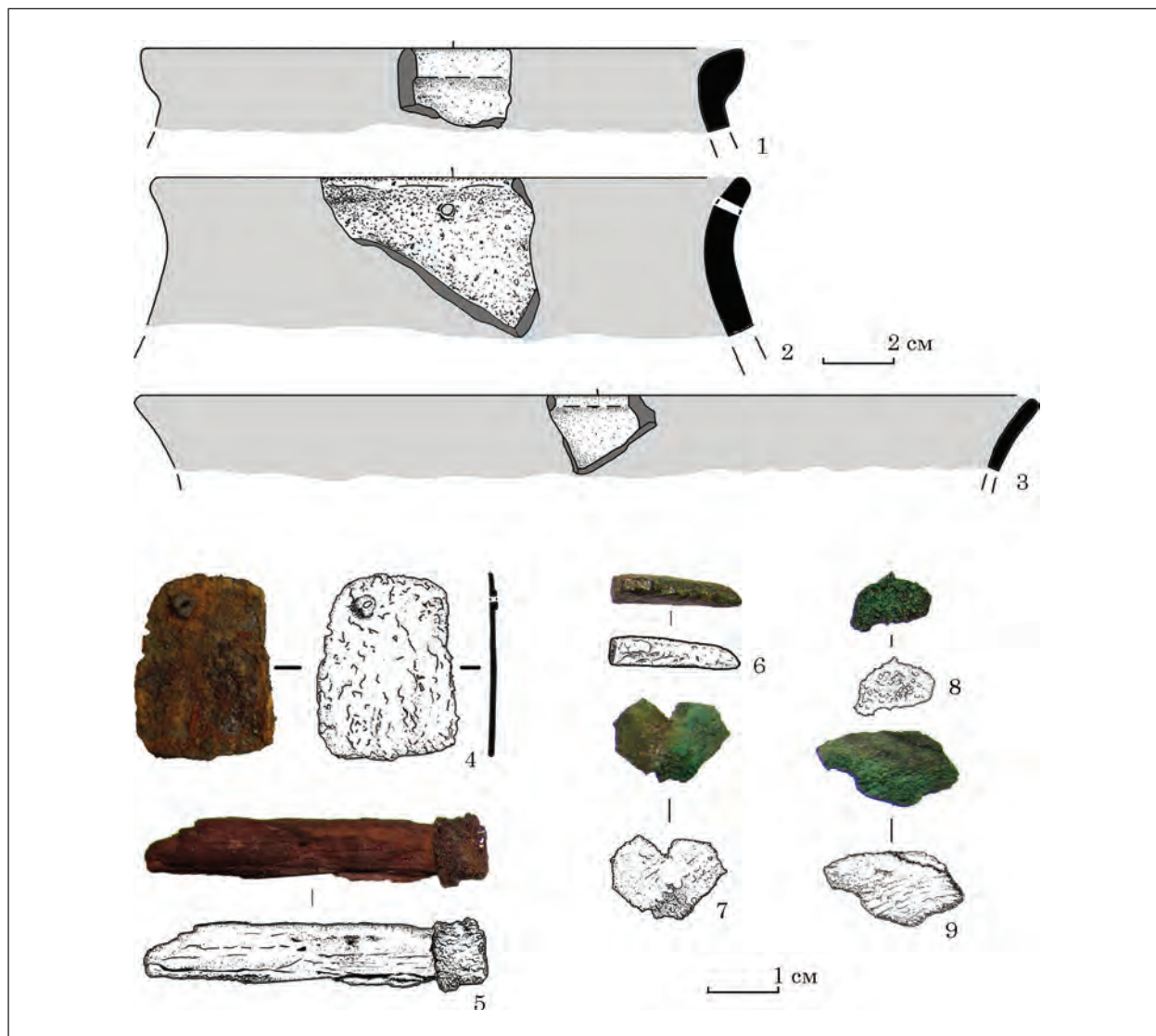

Рис. 15. Иные находки из кургана 4: 1—3 — фрагменты венчиков лепных сосудов (насыпь); 4 — железная панцирная пластинка; 5 — бронзовая втулка с деревянным штырьком; 7—9 — обломки сильно корродированного бронзового предмета (грабительский ход)

о ритуальном назначении подкурганного комплекса и его связи с погребальным культом.

Следует отметить, что интерпретация ряда подкурганных памятников скифской поры в пределах обширного евразийского пространства, (отличающихся особой конструкцией и лишенных неперенных черт, свойственных погребениям), как *культовых сооружений* — отнюдь, не нова.

Есть такие памятники и в пределах украинской Лесостепи. К их числу, например, определённо относится ряд подкурганных сооружений IV в. до н. э. в Лесостепном Побужье: курганы 1—3 у с. Кальник, № 1 (493) у с. Ильинцы (Бессонова 1989; 1994, с. 8—10), а также, по-видимому, некоторые более архаические (VII в. до н. э.) подкурганные памятники Среднего Поднестровья: курган 1 у с. Редвинцы, курган 1 у с. Ленковцы (Бессонова 1993, с. 10). Известны подобные культовые сооружения и

в Днепровском Лесостепном Правобережье, в Киево-Черкасском регионе в частности.

В свое время С. С. Бессоновой была подготовлена работа «Курганные святилища Лесостепной Скифии», которая, к сожалению, осталась неизданной¹. Исследовательница предложила рассматривать в качестве святилищ подкурганные памятники указанного региона, отвечающие следующим критериям.

1) *Отсутствие собственно погребений.* Человеческие останки могут присутствовать в качестве жертвоприношений. Этот критерий не всегда надежный, т. к. многие курганы разграблены и разрушены.

1. Раздел «Духовная культура» плановой научной темы Института археологии НАН Украины «Проблемы истории киммерийцев и скифов». Искренне благодарим С. С. Бессонову за разрешение сослаться на данную работу.

Рис. 16. Исследованный курган 4 Дуншовской группы с воздуха: 1 — вид с запада; 2 — вид с юго-запада. Фото с БПЛА «Inspire 1»

2) *Нестандартность подкурганного сооружения и обряда для данной культурной традиции.*

3) *Особое положение кургана* в составе могильника или курганной группы (чаще всего окраинное, особенно характерно восточное и юго-восточное, или обособленное). Размеры насыпи не являются решающим признаком, но все же святилища чаще располагались под высокими насыпями.

4) *Наличие таких элементов, как специальные жертвенные ямы, кострища, столбы, каменные стелы, специальные жертвенные ритуальные предметы, жертвоприношения людей и животных, подземные ходы.* Особо следует выделить такой момент, как сложные деревянные сооружения, составными элементами которых были шатровые перекрытия, столбы и большие деревянные настилы или помосты.

Следует подчеркнуть, что, по сути, всем этим критериям отвечает наземное сооружение, открытое под насыпью кургана 4 Дуншовской группы Люботинского могильника: 1) нет следов погребения; 2) нестандартность конструкции и обряда для территории Северского Донца; 3) окраинное положение в составе курганной группы; 4) наличие больших настилов или помостов.

Помимо этого, следует отметить широкое использование здесь *коры* на подкурганной площадке, вокруг наземного сооружения, что также свойственно многим культовым местам: подстилки из органического материала (тростник, кора и пр.) широко употреблялись при жертвоприношениях (Бессонова 1994, с. 9—10).

Любопытно, что и деревянный столб в центре святилища отличается сильно заостренным концом от всех иных бревен, имеющих ровное основание. Он мог не только быть опорным, как и любой центральный столб жилища, могилы, святилища, но и использоваться для неких культовых манипуляций.

Правда, смущает в некоторой степени отсутствие в самом сооружении следов каких-либо ритуальных действий, как-то кострищ, костей животных и пр. Вместе с тем, мы не должны забывать, что оно подверглось ограблению.

С точки зрения конструктивных особенностей сооружению из кургана 4 Дуншовской группы весьма близки следующие наземные святилища, правда, более поздние по времени (IV в. до н. э.), открытые в 1880-х гг. Н. Е. Бранденбургом в курганах 1 (493) и 2 у с. Ильинцы в Лесостепном Побужье. В первом из них довольно обширный склеп имел почти квадратное в плане основание и частокольные стены, состоящие из 24 столбов. Вход был выделен, и перед ним располагались 2 столба, вынесенные вперед, своеобразные колонны. Они, скорее всего, не были связаны с перекрытием сооружения (Журнал раскопок Бранденбурга 1908, с. 140). Сходная ситуация фиксировалась и в кургане 2 у названного населенного пункта, в котором был найден знаменитый горит чертомлыкского типа. В центре подкурганной поверхности, «на чистом материке» располагался квадратной формы склеп (Фармаковский 1911, с. 52). По описанию А. А. Спицына, «площадка (т. е. основание склепа — прим. авторов) была забрана полубрѣвнами, по 16 на каждой сто-

роне; два отдельных столба стояли впереди на некотором расстоянии» (Спицын 1918, с. 102, ОАК за 1901, с. 106).

Иными словами, в данных святилищах имела место ситуация, весьма сходная с той, что зафиксирована в наземном сооружении кургана 4, что касается расположения столбов-«колонн» с фронтальной стороны наземных конструкций.

Учитывая расположение святилища в кургане 4 на уровне ДГ, наличие в нём входов, выкладки из коры и специальных деревянных настилов, располагающихся поблизости, можно вполне предполагать следующее. Святилище функционировало определённое время в качестве ритуального места, связанного с погребальным культом, и лишь впоследствии было перекрыто курганной насыпью, т. е. «захоронено» согласно культовой практике, существовавшей в культурах скифо-сибирского круга. Данные соображения подкрепляются приведёнными выше наблюдениями о состоянии древесного тлена от столбов внутри столбовых ям и на уровне площадки наземного сооружения.

Сказанное вполне объяснимо, ибо святилища, как специфические сакральные зоны, предполагали периодически совершения стереотипных культовых операций, что обуславливало определённый период их существования и, соответственно, свободный доступ к сооружению (Ольховский, Шилов 1995, с. 108).

Обращает на себя внимание и тот факт, что к западу, северо-западу от кургана 4 расположены крупные курганы, высотой от 4 до 7 м, при этом ближайший находится на расстоянии до 100 м. В связи с этим, нельзя исключать функционирование наземного святилища в тесной связи с совершением различных ритуальных действий и захоронения, вероятно, скифской знати в указанных курганах.

Наконец, в заключение обратим внимание на два, на наш взгляд, заслуживающих внимания факта.

Во-первых, это явный *правобережный* «колорит», присутствующий в конструкции святилища и некоторых обнаруженных в нём артефактов. Данное обстоятельство, несомненно, даёт «пищу» для серьёзных размышлений касательно реальных перемещений скифов-кочевников периода архаики в пределах лесостепного ареала Восточной Европы.

Во-вторых, в конструкции наземного святилища кургана 4 использованы строительные приёмы и элементы (П-образная канавка для основания, частокольная конструкция стен), достаточно хорошо известные в подкурганых наземных сооружениях Днепровской Лесостепи ещё до скифских *переднеазиатских походов*, о чём уже говорилось выше. Между тем, выносные фасадные столбы или колонны ни разу для указанного времени не фиксировались. Засвидетельствованы они достоверно лишь в

наземной конструкции кургана 4 Дуншовской группы Люботинского могильника, несомненно, относящегося ко времени *завершения скифских переднеазиатских походов*. Важно отметить, что курган 4 с точки зрения хронологии синхронен курганам 1, 2 Караванской группы Люботинского могильника, в составе инвентаря которых, помимо такой же греческой амфоры (или таких же амфор) присутствуют яркие восточные вещи, маркеры переднеазиатских скифских походов.

И этот факт — также повод для некоторых умозаключений.

ЛИТЕРАТУРА

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В., Дегтярь, А. К. 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*. Харьков: Регион-информ, 1998, с. 143-182.

Бессонова, С. С. 1989. Культурные сооружения скифского времени в Побужье. В: *Тезисы докладов Первой Кубанской археологической конференции*. Краснодар, с. 53-54.

Бессонова, С. С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА НАНУ, с. 3-33.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.)*. Киев, Краков.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург, III.

Бобринской, А. А. 1902. Отчёт о раскопках в Черкасском и Чигиринском районах Киевской губ. *Известия Археологической Комиссии*, 4, с. 24-50.

Бобринской, А. А. 1916. Отчёт о раскопках в Киевской губернии в 1913 году. *Известия Археологической Комиссии*, 60, с. 1-6.

Гавриш, П. Я. 2015. Матеріали селища Царина у Більському городищі. *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2014*, с. 39-60.

Гречко, Д. С. 2012. О возможных «просветах» в «тёмное» время (VI в. до н. э.) скифской истории. *Stratum plus*, 3, с. 75-106.

Дараган, М. Н. 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы. *Античный мир и археология*, 14, с. 175-203.

Дараган, М. Н. 2016. О колчанном наборе раннескифского времени из погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина. В: Балахванцев, А. С., Куланда, С. В. (ред.). *Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железного века*. Москва: Институт востоковедения РАН, с. 62-75.

Задніков, С. А. 2006. Мілетські тарні амфори в лісостеповому Дніпровському Лівобережжі. В: Черненко, Є. В. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 105-115.

Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. 1908. Санкт-Петербург.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Ковпаненко, Г. Т. 1984. «Червона Могила» у с. Флярковка. В: Мелокова, А. И., Мошкова, М. Г., Петренко, В. Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 107-113.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Копылов, В. П. 2002. Греческие транспортные амфоры из Таганрогского поселения. В: Копылов, В. П. (ред.). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время*. Ростов-на-Дону, с. 26-29.

Копылов, В. П. 2011. Таганрогское поселение — гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии). *Античный мир и археология*, 15, с. 223-239.

Коренько, В. А., Лукьяшко, С. И. 1982. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона. *Советская археология*, 3, с. 149-164.

Ольховский, В. С., Шилов, Ю. А. 1995. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка. *Российская археология*, 4, с. 103-113.

Отчёт Археологической комиссии за 1901 г. 1903. Санкт-Петербург.

Окatenko, V. M. 2014. Додаткові дослідження курганів Караванської групи Люботинського могильника. *Археологічні дослідження в Україні 2013 р.*, с. 257.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Средне-го Поднепровья. *Stratum plus*, 3, с. 51-64.

Рубан, В. В. 1991. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья. *Российская археология*, 2, с. 182-195.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев.

Спицын, А. А. 1918. Курганы скифов-пахарей. *Известия Археологической Комиссии*, 65, с. 87-143.

Фармаковский, Б. В. 1911. Золотые обивки наилучей (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. В: *Сборник археологических статей, поднесённый графу А. А. Бобринскому*. Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киршбаума, с. 45-118.

Хвойка, В. В. 1904. Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии. *Археологическая летопись юга России*, 1—2, с. 7-12.

Шрамко, Б. А. 1994. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. *Древности 1994*, с. 102-126.

Шрамко, Б. А. 1996. Раскопки В. А. Городцова на Бельском городище в 1906 г. (по материалам коллекции ГИМ). В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с. 29-59.

Birzescu, I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren*. Bucharest. Hestia, XV.

REFERENCES

Bandurovskiy, A. V., Buinov, Iu. V., Dehtiar, A. K. 1998. Novye issledovaniya kurganov skyfskogo vremeni v okrestnostiakh g. Liubotyina. In: Buinov, Iu. V. (ed.). *Liubotynskoe gorodyshe*. Kharkov: Region-inform, s. 143-182.

Bessonova, S. S. 1989. Kultovye sooruzheniya skyfskogo vremeni v Pobuzhe. In: *Tezisy dokladov Pervoi Kubanskoj arkheologicheskoi konferentsii*. Krasnodar, s. 53-54.

Bessonova, S. S. 1994. Kurgany Lesostepnogo Pobuzhia. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skyfov*. Kyev: IA NANU, s. 3-33.

Bessonova, S. S., Skorij, S. A. 2001. *Motronynskoe gorodyshe skyfskoi epokhi (po materialam raskopok 1988—1996 hh.)*. Kiev, Krakov.

Bobrynskoj, A. A. 1901. *Kurgany i sluchainye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Peterburg, III.

Bobrynskoj, A. A. 1902. Otchet o raskopkakh v Cherkasskom u Chygyrynskom raionakh Kyevskoi gub. *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii*, 4, s. 24-50.

Bobrynskoj, A. A. 1916. Otchet o raskopkakh v Kyevskoi gubernii v 1913 godu. *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii*, 60, s. 1-6.

Gavrysh, P. Ia. 2015. Materialy selyshcha Tsaryna u Bilsku. *Starozhytnosti Livoberezhnogo Podniprovia — 2014*, s. 39-60.

Grechko, D. S. 2012. O vozmozhnykh «prosvetakh» v «tyemnoe» vremia (VI v. do n. e.) skyfskoi istorii. *Stratum plus*, 3, s. 75-106.

Daragan, M. N. 2010. O datirovke amfory iz pogrebeniya N 2 Rapiakhovatoi Mogily. *Antychnij mir i arkheologia*, 14, s. 175-203.

Daragan, M. N. 2016. O kolchannom nabore ranneskyfskogo vremeni iz pogrebeniya 1 kurgana 4 u s. Gladkovshchyna. In: Balahvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (ed.). *Kavkaz i Step na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleznogo veka*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, s. 62-75.

Zadnikov, S. A. 2006. Miletiski tarni amfory v lisostepovomu Dniprovskomu Livoberezhzhi. In: Chernenko, Ie. V. (ed.). *Bilskoe gorodyshe ta yogo okrug (do 100-richchia pchatku polovykh doslidzhen)*. Kyiv: Shlyakh, s. 105-115.

Zhurnal raskopok N. E. Brandenbura 1888—1902 gg. 1908. Sankt-Peterburg.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskijskie kurhany basseina r. Tiasmyn*. Kiev: Naukova dumka, 1975.

Ilynskyi, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. Y. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. Y. (ed.). *Skifia i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Kovpanenko, G. T. 1984. «Chervona Mogila» u s. Flyarkovka. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (ed.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia*. Moskva: Nauka, s. 107-113.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1989. *Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskij region)*. Kyev: Naukova dumka.

Kopylov, V. P. 2002. Grecheskiye transportnye amfory iz Taganroghskogo poseleniya. In: Kopylov, V. P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo moriya v skifo-antichnoe vremia*. Rostov-na-Donu, s. 26-29.

Kopylov, V. P. 2011. Taganroghskoe poselenie — gavan Kremny? (pismennye istochniki i arkheologicheskiye realii). *Antychnij mir i arkheologia*, 15, s. 223-239.

Korenayko, V. A., Lukyashko, S. Y. 1982. Novye materialy ranneskyfskogo vremeni na Levoberezhe Nyzhnego Dona. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 149-164.

Olkhovskiy, V. S., Shilov, Iu. A. 1995. Skifski pogrebalno-kultovyi kompleks kurgana Tsyganka. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 103-113.

Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1901 g. 1903. Sankt-Peterburg.

Okatenko, V. M. 2014. Dодаткові дослідження курганів Караванської групи Люботинського могильника. *Археологічні дослідження в Україні 2013 р.*, с. 257.

Pelyashenko, K. Iu. 2014. Kruzhkovidnye cherpaki ranneskyfskogo vremeni lesostepnoi chasti Sredneho Podniprovyia. *Stratum plus*, 3, s. 51-64.

Ruban, V. V. 1991. Opyt klassifikatsii tak nazyvaemykh miletskikh amfor iz Nizhnego Pobuzhia. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2, s. 182-195.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokulturnogo elementa)*. Kyev.

Spitsyn, A. A. 1918. Kurgany skifov-pakharei. *Izvestiya Arkheologicheskoi Komissii*, 65, s. 87-143.

Farmakovskiy, B. V. 1911. Zolotye obivki naluchyi (goritov) iz Chertomlykyskogo kurgana i iz kurgana v m. Iljintsakh. In: *Sbornik arkheologicheskikh statei, podnesyonnykh grafu*

A. A. Bobrynskomu. Sankt-Peterburg: Tipografiya V. F. Kirshbauma, s. 45-118.

Hvoika, V. V. 1904. Raskopki kurganov pry s. Osytiazhke Chygyrinskogo uezda Keevskoi gubernii. *Arkheologicheskaya letopis yuzhnoj Rossii*, 1—2, s. 7-12.

Shramko, B. A. 1994. Novye raskopki kurganov v mogilnike Skorobor. *Drevnosti 1994*, s. 102-126.

Shramko, B. A. 1996. Raskopki V. A. Gorodtsova na Belskom gorodishche v 1906 g. (po materyalam kollektsii GIM). In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Bilskoe gorodishche v konteksti vyuchennya pam'iatok rannogo zaliznogo viku Evropy*. Poltava: Arheolohija, s. 29-59.

Birzescu, I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren*. Bucharest. Hestia, XV.

V. N. Okatenko, S. A. Skory, R. V. Zymovets

KURGAN OF EARLY SCYTHIAN AGE IN KHARKIV REGION

The publication presents the results of excavations of the mound 4 of the Dushnovo group of large-scale graveyard of the Scythian time near the city Lyubotin, Kharkiv region (the Seversky Donets basin). It is important to emphasize that no one kurgan in this group was previously investigated by archaeologists.

Part of the embankment was seriously damaged by the local people's economic activity, and before excavation it was a height of up to 0.90 m with a diameter of about 30 m.

In the course of works the remains of a square (4 × 4 m) original ground-based facility, with an in-depth foundation, which once had fence walls, were found under the embankment. The massive column-pillars, which originally frame the front of the building, were leaving the entrance to it free. The area around this object was lined with bark, and in the immediate vicinity there was a fairly large wooden platform.

Several items were preserved in the robbery track, in particular, fragments of stucco dishes of the early

Scythian period (a pot, a bowl, a scoop), fragments of the light-loamy Miletus amphora.

The constructive feature of the structure and the preserved things make it possible to interpret this object as a sanctuary and date approximately not later than the end of VII century BC.

Keywords: kurgan, Scythians, sanctuary, Seversky Donets.

Одержано 26.11.2017

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна, *romanzimovets@gmail.com*.

ZYMOVETS Roman, Ph D on Philosophy, researcher in Philosophy of Culture, Ethics and Aesthetics Department, Grygory Skovoroda Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine, *romanzimovets@gmail.com*.

ОКАТЕНКО Віталій Миколайович, заступник директора з наукової роботи ДП ОАСУ «Слобідська археологічна служба» ІА НАН України, вул. Культури, 25-А, Харків, 61058, Україна, *okatenkovitalij@gmail.com*.

OKATENKO Vitalii, Deputy Director for Research, SC CASU «Slobidska Archeological Service», SC SRC «Conservation Archeological Service of Ukraine», ІА НАС of Ukraine, 25-A Kultury str., Kharkiv, 61058, Ukraine, *okatenkovitalij@gmail.com*.

СКОРИЙ Сергій Анатолійович, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграду 12, Київ, 04210, Україна, *idanfirs@ukr.net*.

SKORY Serhiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Shief of Department, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *idanfirs@ukr.net*.